

Мысль есть поступок

17 ноября исполняется сто лет со дня рождения

Михаила Михайловича Бахтина — литературоведа, философа, историка культуры, оказавшего огромное влияние на развитие российской и мировой гуманитарной мысли, на художественную практику последних десятилетий.

Труды ученого постоянно переиздаются, скоро начнется выпуск семитомного собрания его сочинений. Сегодня особенно важны свидетельства тех писателей и гуманитариев, которым посчастливилось постигать систему идей Бахтина, «сверяя» их с личностью и поведением ученого, находясь с ним в живом диалоге.

Среди них был известный писатель и культуролог Георгий Гачев.

ОСЛЕДНИЙ из могокан русского религиозно-философского Ренессанса рубежа XIX—XX веков, Бахтин, как и А.Ф. Лосев (иная крупная ипостась подобного модуса вивенди и типа мышления), угодил в советскую эпоху и цивилизацию и пребывал в ней — как инородные и тело, и дух, и ум. И, естественно, должен был уйти с поверхности и залечь на дно, как глубоководная рыба, по древнему принципу мудрецов: «живи незаметно». В латинском варианте это звучит: *Vene qui latuit, bene vixit* — «кто хорошо скрылся — хорошо прожил».

Однако он-то уже высунулся — в 20-е годы: вел в Витебске и Петрограде философские кружки. А его книга «Проблемы творчества Достоевского», вышедшая в 1929 г., имела восхищенный отзыв Луначарского. Но тогда пошел «великий перелом» — становой хребта России: и народа, крестьянства, и русского Ума. Удар пришелся и по Бахтину.

Но даже до прямых ударов по себе Бахтин разработал нишу, где обитать, панцирь и скаффандр, под коим жить, мыслить, страдать, творить. Эта сфера — Слово. Он — религиозный мыслитель и философ под формой литературоведа, пишущего о Достоевском, Рабле, Гоголе...

Вот книга о Достоевском. В ней литературоведы потрясены невероятным доселе толкованием: персонаж, герой романа может выступать как автор своего сознания, равномошный своему творцу — автору романа. Ведь самоочевидным представлялось дотоле, что автор — царь и Бог в своем произведении. И это — открытие Бахтина в «достоевковедении». Но то — первый пласт содержания книги. А поглубже — чувствуется уравниение: автор — Бог-Творец, а его герой — человек, личность. И она одарена свободой воли — вот что значит «автор своего сознания». Так что извечная проблема Духа: Предопределение и Свобода воли — ставится в этом «литературоведческом» исследовании. И «кто имеет уши — услышит» сие, через русло этой книги впадет в океан вечных тем жизни Духа и всмотрится в себя: а как в тебе эта проблема живет, действует, решается каждый миг, раз? Религиозно-философский трактат под формой книги о поэтике. Пишем одно — «поэтика», два в уме — «теология». А раз персонаж произведения свободно ведет себя перед автором, то и меж Богом и его творением — миром и человеком — не монолог. Меж ними — диалог свободнотворческий, открытый, и нет завершенности ни мира, ни истории, ни человека: они — вопрос и для самих себя, и для Бога.

Бахтинский революционаризм в культурологии сродни историческому дерзанию эпохи — да, советской!

И вот — выхожу на парадокс, но в нем есть смысл: утверждаю, что Бахтин есть мыслитель советской эпохи — как цивилизации большого стиля. Не просто в ее хронологическое время

попавший инопланетянин и творивший в условиях внешнего ему гнета, — но мыслитель органический здесь, уловивший и промысливший глубинные проблемы XX века и советской действительности, приподнявший их внутренней работе своего духа. Вот его работа «О философии поступка», написанная в конце 20-х годов. Там он выдвигает идею, что сама мысль есть поступок. У Бахтина эта идея порождена усилением философской рефлексии, вглядывания в себя. Но ведь и на поверхности истории, в ее «текущем моменте» как раз за мысль стали судить и казнить, — то, что буржуазному формальному праву не подсудно, как и не внятно классической гуманитарной науке и философии «доброе старого времени», где абстрактная мысль не имеет отношения к нравственности. Нет, в этом органы ЧК и Бахтин поглубже буравили. Только Бахтин разрабатывал глубину совести: даже не высказанная мысль, не перелившаяся в действие, — уже есть акт, участие в социуме, поведенческая волна, которую я внутри себя испускаю наружу и так или иначе мир формирую. Такой слух и тонкость — у рефлектирующего, светового философа! Но ведь аналогичное и в чекисте: «нюх», «шестое чувство», распознающее, «чем дышит» данный человек... Впрочем, еще Христос так поправлял формальный закон Моисея: «Всякий, кто посмотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем». Так что «помысел» судится как уже поступок. Оба — Бахтин и чекист — вышли на христианский уровень в человековедении: один — как ангел, другой — как бес. Так совершалось заглушение мировой мысли, вдавненной советскими условиями идеологической тоталитарности, — на следующий этаж глубины Духа и миропонимания.

Или вторая знаменитая книга Бахтина — «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», написан-

ная в 30-е годы и вышедшая в середине 60-х. Там развита теория карнавала Бытия и смеховой культуры — против всякой официальной серьезности и «монологизма» (= единомыслия). «Черт побери все!» — и вас с вашим режимом и серьезной официальностью! — разве это не бунт идеологический? А «пиршественные приношения гастролетров» и раблезианское обжорство, что приводило Бахтин пред очи ума и воображения во время голода 30-х годов, — разве это не крестьянская мечта о «молочных реках в кисельных берегах»? А будущий Эрос, «материально-телесный низ» и сексуальная свобода во время карнавала — разве это не антитеза чопорности официальной морали в вопросах пола?.. Так что народная в этой книге не только «культура средневековья и Возрождения», но и сама мысль ученого. Тут Народность — contra — Партийность. Как Целое Бытия, Природы и Народа — против Части всякого строя и его идеологии.

Так что живой народный дух через сосуд Бахтина, как протуберанец, мощно прорывался в Логос. И гнул форму и отливал — особую. Да, не только содержание, но и форма сочинений Бахтина — в диалоге с советской цивилизацией, сотворчество с ней: она вполне — соавтор его произведений, и это многое объясняет в «загадке Бахтина». Начну с внешнего. Про несколько книг и статей идет молва (Бахтиным не полностью подтвержденная, но и не опровергнутая), что это собственные сочинения Бахтина, лишь изданные под фамилиями его близких друзей. Что ж? Вполне естественно это для его понимания всякого творчества: оно возникает в общении, во взаимной адресованности душ, личностей друг на друга, и не то что в «диалоге», но в поли-логе и людей, и эпох, так что автор всегда — все. Так что, опасаясь печатать напрямую под своим именем, Бахтин мог «ничтоже сумняшеся» отдавать свои идеи и тексты ближним, чтобы они так или иначе вошли в обиход культуры.

Аналогично и в поведении: он избегал жить в Москве и Петро(Ленин)граде — близ к самому пеклу идеологического огня, но предпочитал обитать на обочине, в провинциальных городках: Саранск, Кимры (Савелово), снова Саранск — и так утася в годы репрессий. Имел Бахтин воображение пошире, нежели большинство интеллигентов, что жались к центрам, как мотыльки на огонь, и там попадались в лютые годы: «скрылся Живущий!» Бахтин же, с его безбрежной культурой и историческим горизонтом и с пониманием что ни о чем не сказано последнее слово, и даже цивилизация древнего Египта не завершилась, а продолжает жить и развиваться — мог понимать, что свет клином тут не сошелся, и, мудрый, выжил и восторжествовал. Прекрасный всем урок: как широта мысли помогает — выжить!

Однако то еще внешние черты формы его жизни и произведений: «маска», «лазейка», «маргинальность»... Советская цивилизация произвела через Бахтина открытия в философии. Напряженное силовое поле советской действительности и затрудненность вольной жизни Духа в ней направили Бахтина в компромиссную поначалу для него профессию — литературоведение, исследование Слова. Но зато тут им разрезты пласты и проведены треки, и выходы, и вырубки — философские. Кнут Нужды («Нотунг» — меч Зигфрида, а Бахтин родной себе немецкую философию чувствовал, как литературу — французскую). Необходимость погнала Свободу открывать творить новые измерения Бытия и Духа. И то, что Бахтин — религиозный философ под формой литературоведа и культуролога, не есть «эзопов язык» — но новое поприще исследования. Слово (Логос) ведь действительно есть Бог, а не просто «слова, слова, слова...». И Бахтин, анализируя «слова, слова, слова...» литературных произведений, от «слов» — к Слову, Логосу прорубал магистрали. И в этом Бахтин доводил до самосознания традицию русской классической литературы XIX века. Не случайно в России не было философии в чистом виде, но наши писатели: Пушкин, Гоголь, Тютчев, Толстой, Достоевский — наши первые мыслители, не то, что в Германии, например, где рядом с Гете и Шиллером — равномошные Кант и Гегель... Безбрежный Космос России не поддается освоению в рассудочном понятии («Умом Россию не понять»), но требует иной умной формы — художественного образа, который свободен перескакивать в метафоре и сопрягать воедино далекое и разное... Так что «роман» — это не просто жанр литературы, но философия, определенная философская система, понимание мира, мировоззрение — уже своей структурой. А традиционная в философии проблема — Пространство и Время — ставится Бахтиным уже как «хронотоп» — время и место художественного действия. А введенные им в литературоведение категории: «диалог», «карнавал», «амбивалентность» (дву- и многосмысленность) распространены на всю область Духа. Чем и объясняется расширение интереса к нему и его влияния ныне в мире.